

63.48(253.7)-42

И-39

Министерство культуры Республики Алтай

Агентство по культурно-историческому наследию РА

Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз

**ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Выпуск 5

**Горно-Алтайск,
2007**

63.48(253.7)-42
И-39

Министерство культуры Республики Алтай
Агентство по культурно-историческому наследию РА

Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Б830171 К/0

Выпуск 5

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Дрожакова"

Горно-Алтайск
2007

Кызласов И.Л.
(г. Москва)

РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Гора Туран стоит на правом берегу Енисея в 50 км ниже Минусинска и Абакана и омывается рекой с южной стороны.

Здесь на береговых утесах А.В. Адриановым были в 1904 г. открыты и обследованы писаницы, протянувшиеся «приблизительно на 175 саженей», т.е. примерно на 370 м. В архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета сохранился рукописный отчет исследователя (инв. № 55: «Писаницы (Отчеты за 1904 год)») машинописную копию которого, снятую в 1961 г., мне предоставил для работы Л.Р. Кызласов. Описание «Туранской писаницы», с которой первооткрывателем были сняты многочисленные эстампажи (№ XXX/1-34) и фотоснимки (№ 103-108), в этом отчете сопровождается размещением среди текста от руки сделанными рисунками. Также оформлены разделы и по иным петроглифическим памятникам, обследованным исследователем. Вероятно, эти мелкие и схематические рисунки были перенесены А.В. Адриановым в рукопись отчета из полевого дневника. В переданной мне машинописи они скопированы через копирку. Ниже я привожу соответствующие места из текста этого отчета, никогда не публиковавшиеся. Они характеризуют не только пять письменных памятников (в 1970 г. уничтоженных поднявшимися водами водохранилища), но и самого А.В. Адрианова как внимательного и тщательно работавшего изыскателя. При всей понятной в такой ситуации условности копии рисунков в машинописи – единственный для меня источник суждения о надписях (рис. 1 – 1-5). Быть может, когда-нибудь отыщутся сделанные исследователем эстампажи и фотографии Туранской писаницы и ее камнеписных текстов.

Перед началом затопления, в 1967 г. гора Туран была обследована С.Г. Кляшторным, работавшем в составе отряда Я.А. Шера. Как посчитал тюрколог, им «установлено, что участок скалы, где были обнаружены надписи, разрушен камнепадом». Я склонен думать, что на деле резные строки Турана не удалось обнаружить, поскольку, говоря о надписи под вершиной горы Тепсея, также открытой А.В. Адриановым, С.Г. Кляшторный вновь пишет о неудаче поисков 1967 г. «так как, вероятно, в результате камнепадов и обвалов она подверглась разрушению вместе с нишей, в которой находилась»; пещера же цела поныне. Так или иначе, но в 1976 г. с необходимой библиографией и кратким изложением истории открытия по отчету за 1904 г. был прочитан «лишь текст, достаточно четко зарисованный А.В. Адриановым» (Кляшторный С.Г., 1976, с. 66, 67, 70).

Новая руническая надпись была обнаружена летом 1977 г. красноярским, а позднее абаканским художником В.Ф. Капелько – она была некогда вырезана на менгире кургана, входящего в обширный могильник тагарской культуры (ранний железный век), расположенный во внутреннем логу горы Туран. В 1981 г. при изучении этой надписи на курганном камне в том же могильнике Л.Р. Кызласовым была замечена еще одна руническая строка, нанесенная легкими резами и практически неразличимая.

Весною 2000 г. В.Ф. Капелько сообщил мне о другой его находке 1977 г. – наскальной надписи на северной круче горы Туран и передал полиэтилен с копией этой рунической строки и соседствующих с нею наскальных рисунков и тамговых знаков. По его словам, уже в год находки копия надписи была им передана Д.Д. Васильеву. Не имея возможности сопутствовать поездке на место, В.Ф. Капелько по памяти набросал графическую схему северного склона горы, примерно указав на ней размещение надписи – на втором или третьем от подошвы скальном выходе.

В то же лето выехав к Турану, мы не сумели отыскать нужную поверхность^{*}. С наполнением водохранилища не только западный, но на значительном протяжении и северный склон горы, ранее смотревший на долину, обрывается в воды Енисея. Подъезда к запад-

^{*} Достичь горы помог предоставивший свою машину В.Г. Кирбижеков, в поездке участвовала Л.П. Мылтыгашева, а Николай Кирбижеков и Мирген Мылтыгашев помогали в обследовании крутого склона.

ной части горы нет совсем. Скальные выходы северного склона в целом неудобны для рисунков, но небольших пригодных плоскостей очень много. И разрозненные изображения часто встречаются уже на нижних выходах камня.

Позднее сравнение копии надписи, переданной мне в 2000 г., с известными материалами показало, что она воспроизводит одну из рунических строк, существовавшую не на Туране, а на Тепсее. Эта надпись, впервые отысканная А.В. Адриановым в 1904 г., включена в рукопись его отчета (эстампажи XIX / 52-53а). Очевидно, за 23 года, прошедших с момента находки, художник запомнил, где была им сделана прорисовка.

Осенью того же года В.Ф. Капелько умер. Его схематический рисунок северного склона Турана точно передает природные и культурные особенности местности: тропу, ведущую на первую от Енисея седловину, кучу искусственно набросанного мелкого плиточника на ней, местонахождение нужной плоскости. За долгие годы забылось лишь на каком скальном ярусе находилась плоскость. Я считаю нужным издать это рисунок (рис. 1 – 6). Остающуюся неизвестной надпись необходимо найти.

Тем самым, на горе Туран в разные годы были обнаружены семь рунических надписей. Четыре из них выполнены хорошо известным енисейским письмом, две или три – все еще загадочным и не дешифрованным южноенисейским. К сегодняшнему дню опубликованы лишь четыре письменных памятника.

Надпись Туран I (E 118/1)

Первые надписи, описанные А.В. Адриановым, находились не далее двух метров от нижнего конца писаницы, ближайшего к простирающейся севернее горы долине р. Бири. Над неглубоко выбитыми неопределенными, по мнению исследователя, фигурами (рисунок которых в отчете имеется) «на выступающем и нависшем вперед камне треугольной формы, на грани его, обращенной к северо-западу, на высоте от земли 280 см. и на высоте 70 см. над вышеописанным камнем, находится две строки руноподобных знаков; верхняя строка, длиной в 30,5 см., состоит из 18 знаков, высотой в 3,8 см., выгравированных сплошной отчетливой чертой в 1 миллим. толщиной. Под серединой этой строки, именно под шестым знаком слева и под шестым же знаком справа, на 1 см. ниже, идет другая, более короткая строка в 15 см. длиной, состоящая из 8 знаков, ростом в 3-3,5 см.» (эстампаж XXX/29, фото 103, 104) (рис. 1 – 1).

С.Г. Кляшторный, не отыскав подлинника на месте, использовал изображение в отчете А.В. Адрианова и посчитал начертания единым текстом. Тюрколог предположил, что обе строки сохранились неполно, выразив это многоточием. Имеющиеся в верхней строке словоразделительные отметки не получили отражения в транскрипции[†]: (1) ...t(e)m(i)r čor(i)ŋ j(a)ŷ(i) (i)k(i)gü (2) išb(a)r b(i)ŋl(i)k... «(1) ...твой Темир-чор вместе с Иагы-чором, они оба (2) Ышбар и обладающий тысячью...». В том же году, при составлении общего перечня, памятник получил обозначение E 118 (Васильев Д.Д., 1976, с. 75). В своде надписей бассейна Енисея была издана транслитерация текста и не вполне точная, отклоняющаяся в деталях, копия рисунка, помещенного в тексте отчета А.В. Адрианова (Васильев Д.Д., 1983, с. 44, 78).

Исследование письменного памятника следует продолжить. Прежде всего, наиболее вероятно, что это не единый текст из двух строк, а две самостоятельных кратких надписи. Они отличаются друг от друга орфографическими нормами. В первой строке (обозначим ее как Туран I, E 118/1) регулярно применены словоразделительные знаки-двоеточия (знаки 8, 14), столь же последовательно отсутствующие во второй строке (Туран II, E 118/2). В надписи E 118/1 словораздел применен даже в роли знака окончания текста (знак 18) – черта довольно редкая среди памятников енисейского письма. Кроме того, вторая строка несет следы полногласного написания, поскольку начинается с руны для узкого гласного 𐰃 i/ı, обычно опускавшегося на письме, как это и сделано в верхней строке, во всех случаях лишенной написания гласных в закрытых слогах.

[†] Возможно, это развал двух поздних смежных алтарных выкладок, вытянутых меридианально. Общие размеры развалившейся конструкции 16 x 10 м, при высоте в 1 м. В северной части – круглая западина диаметром 2-2,3 м, проникающая на всю высоту сооружения.

[†] Допущенные в транскрипции опечатки мною исправлены.

С изучением наскальных надписей Алтая становится все более очевидным, что нанесенные разными людьми рунические надписи могли не только соседствовать на одной и той же скальной плоскости (как это ранее всего отмечено на Сулекской писанице в Хакасии и Хая-Бажи в Туве), но и наноситься тесными рядами, примыкающими к ранее вырезанным строкам (Кызласов И.Л., 2000, с. 91-97; 2002, рис. 6, 10, 24; 2003, рис. 3, 7, 21). Подобный случай встречаем далее и на Туранской писанице при размещении двух надписей Туран VI и VII.

Следует исправить прочтения обеих надписей, а также их понимание, предложенные С.Г. Кляшторным, в ту пору не подозревавшим о молитвенном назначении кратких наскальных рунических начертаний Южной Сибири.

Текст: :ᠨ ᠙ 15ᠶ :ᠮ ᠶ ᠯ 10ᠶᠢᠨ ᠳ :ᠶ ᠮ 5ᠶ ᠯ ᠦ ᠶ ᠶ ᠨ

Транслитерация: t²m²čo(u)r¹η : j¹γčo(u)r¹ : kgū(ō) :

Транскрипция: t(e)m(i)r čog(u)η : j(a)γ čog : (i)k(i)gū :

Перевод: Твой Темир-чор и Йаг-чор вдвоем (здесь молились).

Разбор

1-3. Слово *temir* «железо» нередко служило мужским именем (Древнетюркский словарь, 1969, с. 551: *temir*, *temür*) и, выступая в нем определением, ярко проявляет свойственное тюркским народам стремление наделять нарекаемого желательными чертами характера или жизненных условий (см. далее знаки 9-10). В надписи имя сопровождается титулом, т.е. это имя витязя-зря, а не детское прозвище простолюдина.

4-7, 11-13. Титул *čog* имели оба названных в надписи витязя. Мы нередко встречаем его (ранее читавшегося как *čur*) в рунических надписях и эпитафийных (орхонских, енисейских и таласских) (Малов С.Е., 1951, с. 376; 1959, с. 106; Кормушин И.В., 1997, с. 286), и в енисейских наскальных (см., например: Кызласов И.Л., 1999, с. 183). Точное социальное положение людей, наделяемых этим званием, не установлено.

В нашей надписи первый титул дополнен показателем -η, правильно воспринятым С.Г. Кляшторным как аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа. Понимание словесной конструкции пришло лишь с открытием молитвенной сути енисейских наскальных начертаний. «Твой» означает здесь «принадлежащий Богу», «Твой раб, Господи». В наскальных надписях уже отмечено именование божества «моим Небесным Повелителем» (Дэл-ула I), «моим Отцом» (Ялбак-Таш V). Ближайшее соответствие изучаемой форме встречаем в надписи Бичикту-Бом II/2: *kiši oyl(i)η(i)γ* «(Явись) Твоему сыну человеческому» (Кызласов И.Л., 2000, с. 94-97, рис. 4, 6, 7; 2001, с. 247, 249). Имя бога в надписях не называлось, поскольку в манихейской религии составляло высшую тайну (Ялбак-Таш II: Кызласов И.Л., 1999а, с. 108-115).

9-10. Прочтение *j(a)γ(i)*, предложенное С.Г. Кляшторным, противоречит основам рунической орфографии, согласно которым гласный звук открытого слога должен быть обозначен. Кроме того, значение получаемого таким образом слова («враг»: Древнетюркский словарь, 1969, с. 224), не годится для личного имени. Читать здесь нужно то, что написано: *j(a)γ* «жир, масло» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 223). Перед нами значимое мужское имя, определение, благожелательно сулящее достаток, сытую жизнь нарекаемого.

Вероятно, лишь для современного сознания заметно любопытное сходство в одной лаконичной надписи двух имен с определенным внешним противостоянием характеристик: твердого (железный) и мягкого (жирный, масляный). В самом раннесредневековом обществе за этими именами стояли явления не сопоставимого, а разного порядка – долготелетия (прочности) и благоденствия (сытости).

15-17. С.Г. Кляшторный оправданно предположил, что в записи А.В. Адрианова последний знак надписи передан неполно и вместо руны Γ в оригинале была буква \mathcal{N} . Последнее слово текста могло звучать по-разному (*ikigū* или *ikāgū*), руническое написание, как и содержание, будет одно: «оба, двое, вдвоем».

Надпись выполнена енисейским письмом, о чем свидетельствует облик руны \mathcal{N} (знак 2). Остальные буквы непоказательны. Особенности орфографии надписи разобраны выше.

Исторический комментарий

Важно заметить, что о поклонении двух человек сделана одна, общая надпись. Морфологические особенности указывают на ее автора – это был Темир-чор, подчеркнувший

личное отношение к божеству. До накопления нового эпиграфического материала нельзя решить, действительно ли двое сановников одновременно совершили поклонение у скалы или один из них молился от имени обоих. Известные ныне наскальные надписи отмечают два вида молений: сугубо личных, сокровенно совершаемых у скал, а также и возносимых во имя другого лица его духовником (Кызласов И.Л., 2001; 2002; 2003). Однако в последних случаях имя писавшего нигде не обозначено. Из этого можно заключить, что Тимир-чор был мирянином.

Пожалуй, только наскальная надпись Яблак-Таш XII, может быть сближена с изучаемой, если принять ее направленность на группу лиц – целое воинское подразделение.

Близкую внешнюю аналогию составляет серия письменных отметок, нанесенных не на скалу, а на спину изваяния середины VIII в., прозванного «Богатырь» и стоявшего на левом берегу Енисея. Судя по надписям и тамговому знаку, скульптура почиталась. Хотя во всех случаях надписи на ней сделаны от первого лица, три строки этого памятника (Е 37/1)^{*} по палеографическим особенностям составляют две группы, содержащие по два мужских имени. В одну группу объединяются две первые строки – (1) q(a)raq : örgi b(e)n (2) bö[gä] t(?) (a)št(ī)n²q(?) i b(e)n «(1) Я – Карак-ёрги (2) (и) я – Бёге- таштынкы (?)». Другую группу представляет третья строка, в которой высечены два имени: (3) ti(ü?)rg(i/e)s(š?) b(e)n č(a)ñši b(e)n «(3) Я – Тиргис (Тюргеш?) (и) я – Чангши» (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 33-37, рис. 1-3; Кызласов И.Л., 1994, с. 195, 196, рис. 28). Этот памятник убеждает, что на Енисее в эпоху рунического письма существовала пока непонятная нам традиция парных мужских поклонений, сопровождавшаяся созданием камнеписных именных надписей.

Надпись Туран II (Е 118/2)

Как мы видели, первое предложенное прочтение надписи (Кляшторный С.Г., 1976, с. 70) не создало связной фразы. Строка действительно трудна для понимания (рис. 1 – 2). Предлагаемое мною чтение – лишь вариация, но, как постараюсь показать, правдоподобная.

Текст:

Транслитерация[†]: iičb¹r¹b²η(i?)l²g

Транскрипция: ič b(a)r bi(?)l(i)g

Перевод: Душа имеется, (а) знания (Истины нет. Вразуми, Господи!).

Разбор

1-2. Необычен в написании второй знак надписи. С.Г. Кляшторный читал его как š¹, но такая буква в виде трезубца ʏ не только редка в орхонском и енисейском письме, но и имеет в них значение ič или čī (см. сводку данных: Кызласов И.Л., 1994, с. 89, 91). Знак такого облика относительно часто применялся лишь на Горном Алтае. Он известен в пяти надписях, из которых только одна надежно прочитана недавно. В надписи Жалгыз-Тёбе, содержащей и другие палеографические редкости, руна-трезубец применена единственный раз и действительно читается как š¹ (Кызласов И.Л., 2004). Однако этот случай не может быть нам опорой.

Духовное содержание слова ič, буквально означавшего «нутро, внутренность» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 201), проступает при учете двух существенных обстоятельств. Первое состоит в полногласном его написании, которое отличало енисейские манихейские тексты и было прямо порождено орфографией собственно манихейского письма (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 46-48; Кызласов И.Л., 1996, с. 124, 125; 1997, с. 165-177; 1999б, с. 88-98). Следовательно, перед нами манихейская надпись. Второе обстоятельство заключено в применении слова ič в смысле «душа» в молитвенной надписи на горе Крес хая в Хакасии (Е 137), автор которой жаждал духовного совершенства (Кызласов И.Л., 1994, с. 188, рис. 20; 2000а).

3-4. Этими знаками записано слово baγ «есть, имеется». Таким образом, первые четыре руны содержат законченную мысль, что следует учитывать при прочтении последующих знаков.

^{*} Этот памятник долго воспринимался как эпитафия. Ошибка продолжает существовать и сегодня (Кормушин И.В., 1997, с. 123-127).

[†] В транслитерации и транскрипции подчеркнутая пара букв соответствует одному знаку оригинала.

5-8. Аффикс обладания, наделенности -lig трудно представить в качестве оформления числительного biŋ «тысяча», даже если под ним понимается воинское подразделение такой численности. Но, и допуская такое построение, его правильнее было бы видеть в строке до, а не после определяемого. Все это не позволяет принять предложенное С.Г. Кляшторным чтение этих знаков.

Отвергнув имя собственное, якобы записанное в начале строки, следует искать и не связанное с biŋ прочтение последующих рун. На примере предыдущей надписи (знак 17) мы видели, что А.В. Адрианов не всегда точно передавал части отдельных букв. Поскольку понимание знака б как ʏŋ не дает подходящего слова, полагаю, что здесь могла быть руна ʒi, правый отводок которой не был замечен, а показанная на рисунке переключенка случайна. Обозначение i в первом закрытом слоге здесь объясняется полногласной орфографией, проявившейся в первом слове надписи. Эти допущения дают слово bilig «знание» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 99, 100), отвечающее контексту. Можно думать, что имелось в виду знание религиозной Истины.

Подобное стремление верующего к постижению божественной Истины, предпринятые им ради этого действия и создание посвященной всему этому рунической надписи мы встречаем в настенных граффити пещеры горы Тепсей, стоящей выше Турана по Енисею (Кызласов И.Л., 2001, с. 249).

Анализируемая строка не содержит заключительного слова (думаю, имелось в виду слово joŋ «нет, отсутствующий», уравнивающее всю фразу). Завершающего глагола, как мы видели, нет и в надписи Туран I, как это нередко бывает и в других наскальных написаниях.

Знак ʒb (шестой в строке) характерен для енисейского письма. Руна ʏ – архаичный знак, уцелевший в руническом письме от древней слоговой стадии его развития (Кызласов И.Л., 1994, с. 105-142, табл. XXXVII). Звук i заключен уже в природе самого знака iĉ, дополнительного обозначения он, следовательно, не требует. Однако в нашем случае он вышел за пределы руны и записан отдельной буквой (см. знаки 1 и 2). Отсюда внешне избыточная транслитерация слова: iĉ. Это явление, возникающее в памятниках при утверждении алфавитного принципа написания, наблюдается и в рунических манихейских рукописях Восточного Туркестана. В них отмечен даже выход за пределы первично единого знака для пары согласных одного из этих звуков (Кызласов И.Л., 1994, с. 138).

Показанная орфографическая особенность позволяет относить надпись Туран II к образцам поздней рунической письменности и, по аналогии с рукописями Туркестана, датировать ее X в.

Надпись Туран III (Ю 11)

Строка, вертикально вырезанная на стеле одного из курганов, расположенных во внутреннем логу горы Тепсей, изучалась мною совместно с Л.Р. Кызласовым в 1981 г. Сопровождена тамгою и выполнена южноенисейской рунической письменностью, пока не дешифрованной и малоизвестной. Памятник издан в прорисовке в сводных палеографических работах под названием Туран III и наделен индексом надписей южноенисейского письма – Ю 11 (Кызласов И.Л., 1988, рис. 2; 1990, с. 105, рис. 30, 1, 2; 1994, с. 308, 309; Kizlasov L.R., Kizlasov I.L., 1994, s. 109, ges. 13). Конечно, порядковая нумерация этого письменного памятника, как и последующего, нарушает сплошной счет наскальных надписей Турана, но так уж сложилась история изучения рунических начертаний этой горы.

Надпись Туран IV

Трудноразличимая надпись на курганной стеле того же могильника внутри горы, обнаруженная Л.Р. Кызласовым в 1981 г. Опубликована в прорисовке, палеографическое определение ее по этим материалам не может быть установлено (Кызласов И.Л., 1988, рис. 3, 1; 1990, с. 105, рис. 30, 3). Новое изучение подлинника, быть может, привело бы к лучшему распознаванию надписи, нанесенной легкими штрихами.

Надпись Туран V (Ю 19)

«Непосредственно ниже рун [Туран I и II – И.К.] и этих фигур тончайшими штрихами, и не без изящества, награвированы – слева конь; затем еще конь со всадником, впереди

* В работах 1988 и 1990 гг. я применял параллельную нумерацию, но это неудобно.

превосходно расписанный олень и правее его еще три оленя один за другим и перед самым крайним справа начертан знак [древнехакасская тамга IX-X вв., опубликованная Л.Р. Кызласовым (1965, рис. 7-2) – И.К.], а непосредственно за расписным оленем, слева: [следует рисунок надписи, воспроизводимый мною на рис. 1 – 3 – И.К.]. Эти все фигуры и надписи воспроизведены на эстампаже XXX/29 и фотографированы под №№ 103 и 104. ... утес в этом месте спускается в воду, а фигуры находятся на значительной высоте».

Для копирования и фотографирования этой части писаницы А.В. Адрианову пришлось установить в реку козлы с настилом, материал для которого был доставлен с того берега Енисея. Только благодаря этим усилиям мы ныне можем отметить существование на Туране еще одной надписи южноенисейского письма. Следуя порядку издания этих редких для Южной Сибири начертаний, она должна получить индекс Ю 19 (сводку известных надписей см.: Кызласов И.Л., 1994, с. 289-318). Тем самым, после Сулекских гор Туран предстает вторым местом скопления южноенисейских надписей на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Согласно архивному рисунку, надпись состояла из четырех (возможно, и пяти) вполне характерных букв (ср.: Кызласов И.Л., 1994, табл. XV, 2, 17, 25). Возникает сложность лишь в определении второго знака, зарисованного не полностью. Исходя из свободного расположения прочих букв надписи, здесь наиболее вероятно видеть передачу одной руны – знака, до этого зафиксированного в двух южноенисейских надписях и в моей книге 1994 года стоящего на табл. XV под № 27. В этом случае надо считать, что вертикальный штрих слева лишний, а необходимый центральный ствол остался не замеченным. Если же исходить из того, что левые начертания переданы точно, то перед нами знак № 9 (табл. XV), а правая галочка принадлежит части буквы, которую опознать нельзя.

Надпись Туран VI

Две другие надписи обнаружены А.В. Адриановым «на том же камне, но на противоположной его стороне, на грани, обращенной вверх по реке». Точнее, «пониже этого камня идет гладкая грань 63 x 33 см.», на которой левее двух конских фигур были «в гравировке и слабой выбивке заметны две коротких строки руноподобных знаков; хотя руны и прочерчены довольно отчетливо, но маскируются множеством последующих штрихов» (рис. 1 – 4-5). «Все это было воспроизведено на эстампаже XXX/30». Обе строки близки друг другу и отличаются от выше описанных надписей обликом букв для $\text{X}b^2$ – длинные линии верхнего угла знака, пожалуй, указывают на относительно позднее появление этих граффити.

Рисунок верхней строки передает шесть знаков (рис. 1 – 4), облик четвертого и пятого из которых вызывают сомнения. Маловероятно также, чтобы текст завершался звуком d^2 . Быть может, на скале эта руна не была последней.

Текст: $\text{X}(\text{r}?)\text{I}(\text{r}?)\text{r}^2\text{kq}(\text{r}?)\text{s}^2(\text{r}?)\text{d}^2$

Транслитерация: $b^2r^2kq(?)s^2(?)d^2$

Вполне понятно, что сколько-нибудь уверенное прочтение начала надписи возможно лишь при опоре на несомненные его аналоги. Они мне неизвестны. Однако принадлежность всех знаков строки к рунам для мягкорядных звуков, равно как и известные ныне смысловые рамки наскальных надписей как таковых, позволяют предложить на пользу дальнейшей работе вероятное прочтение трех-четырёх начальных знаков.

Здесь могло быть числительное $b(i)r$, примененное в значении «первый», или, что бывало нередко, выступающее в служебном значении неопределенного артикля, а то и начала парного словосочетания (Древнетюркский словарь, 1969, с. 101). Это предположение кажется мне наиболее вероятным и подкрепляется сравнением с ниже вырезанной строкою Туран VII.

Формально возможно видеть в первых трех буквах и запись определения $b(e)rk$ «крепкий» или производного от глагола $b(i)r(i)k$ – «соединяться, объединяться». Менее вероятно в начале фразы глагольная форма – обращенный к высшим силам вежливый молитвенный призыв $b(e)r(i)k(i)\eta$... «вникните, проникните, поймите», образованный от глагола $berik$ - (Древнетюркский словарь, 1969, с. 96, 102).

Достаточно первого знака $\text{X}b^2$, чтобы признать надпись енисейской.

Надпись Туран VII

В этой строке рисунок передает лишь четыре знака (рис. 1 – 5). Облик первого из них вновь указывает на енисейское письмо. Буквы нанесены в явной курсивной манере, т.е. строка выполнена иной рукой, чем предыдущая надпись Туран VI. При учете этого особенно значимо, что второй краткий камнеписный текст начинается так же как предыдущий.

Сомнителен третий знак: это или руна $\text{З п}\check{\text{с}}$, написанная в левом развороте, или $\text{С}^{\text{г}}$. Для обоих случаев не удастся предложить чтения, включающего все зарисованные А.В. Адриановым знаки.

Текст: $\text{Ч}(\text{С}^{\text{г}}?) (?) \text{З п}\check{\text{с}} \text{У}^{\text{х}}$

Транслитерация: $b^2r^2n\check{s}(?g?)z$

Вновь можно думать, что надпись начинается числительным $b(i)g$ в тех его функциях, что названы для строки Туран VI, или даже со слова $b(i)g(i)n\check{s}$ «первый». Восприятие третьей буквы как самостоятельного слова $(i)n\check{s}$ «покой» не продвигает понимания надписи.

Рассмотренные в целом, памятники рунического письма свидетельствуют о религиозном поклонении горе Туран, существовавшем в раннем средневековье. Размещение текстов указывает на то, что обряды вершили жители долины, лежащей у северного подножия утеса. Судя по палеографическим различиям, надписи появлялись на скале в разное время, при чем одновременные строки тяготели друг к другу (Туран I и II, VI и VII).

Показательна многократность письменных отметок, вновь проявляющая связь манихейского горного культа с письменной культурой. Такое явление ранее отмечалось для Тепсея и Хая-Бажи (Хакасско-Минусинская и Тувинская котловины) в связи с бывшими близ них речными переправами. Особо многочисленные скопления молитвенных граффити на скалах долин Чарыша, Кара-Кола и Чуи на Алтае позволили заметить другую причину появления надписей – бывшее существование близ таких гор монастырских обителей. Подобным образом, вероятно, можно теперь объяснять и причины появления надписей на Сулекской писанице в Хакасии (Кызласов И.Л., 2004а).

В последнем случае, как и на Туране, соседствуют надписи двух рунических алфавитов – енисейского и южноенисейского. Не может быть сомнения в том, что носители разных систем письма поклонялись одной и той же горе. Следовательно, в IX-X вв. там существовали две общины одной религиозной принадлежности, но отличавшиеся друг от друга происхождением и приверженностью к различным письменным традициям. Обитание носителей южноенисейского письма у Турана подтверждено и надписью Ю 11 (Туран III) на курганной стеле внутреннего лога.

Подобное разнообразие рунических алфавитов (орхонского, южноенисейского и разных вариантов енисейского) отразилось и на почитаемой скале Бичикту-Бом на Алтае (Кызласов И.Л., 2004 а, с. 115, 118, 127). По своим палеографическим признакам южноенисейская письменность принадлежит к евроазиатской группе рунических письмен и наиболее близка к алфавитам Средней Азии (Кызласов И.Л., 1994, с. 42-73). Для Южной Сибири в целом и Хакасско-Минусинской котловины в частности эта письменность пришлая. Тем не менее, как видим на примере писаниц Сулекской горы, Турана и Бичикту-Бома, манихейские святыни оказывались общими для всех трех разновидностей манихейства, выделяемых ныне средствами рунической эпиграфики.

Публикуемые материалы подтверждают применение манихейством на вновь обращаемых в религию Света землях местных письменных систем. В южноенисейских надписях на Енисее и Катуня мы видим свидетельства и дальнего передвижения среднеазиатских миссионеров, воспринимавших в Южной Сибири аборигенные горные культуры. Постичь же различия тех манихейских духовных течений, которые ныне различаются эпиграфически, науке еще предстоит.

Пожалуй, ни одна вновь прочитанная руническая надпись уже не добавит ничего принципиально нового к нашим представлениям о письменной культуре местного манихейства. Но понять особенности северного, сибирского ответвления этой религии без исследования рунических надписей совершенно невозможно. Других равноценных источников сегодня нет.

Литература

1. Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. – Баку, 1976. – № 1. – С. 71-81.
2. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – 127 с.
3. Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – XXXVIII + 676 с.
4. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. – Баку, 1976. – № 1. – С. 66-70.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997. – 303 с.
6. Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108-140.
7. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с.
8. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – 327 с.
9. Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996. – С. 124-136.
10. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – T. L., fasc. 1-3 – С. 163-184.
11. Кызласов И.Л. Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов. – Томск, 1999. – С. 182-183.
12. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология, 1999а. – № 4. – С. 99-117.
13. Кызласов И.Л., Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М., 1999б. – Вып. IV. – С. 85-112.
14. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2000. – № 5. – С. 82-112.
15. Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан, 2000а – IV. – С. 69-75.
16. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 243-270.
17. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
18. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003. – 109 с.
19. Кызласов И.Л. Руническая надпись на Жалгыз-Тёбе // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 66-75.
20. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 2004а. – С. 111-129.
21. Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965. – № 3. – С. 38-49.
22. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология, 1994. – № 1. – С. 33-49.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – 451с.
24. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959. – 108 с.
25. Kızlasov L.R., Kızlasov I.L. Sayan-Altay türkçelerinin yeni runik yazısı // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten, 1990. – Ankara, 1994 – S. 85-136.

Рис.1

Надписи и рисунок горы Туран. 1 – надпись Туран I, 2 – надпись Туран II, 3 – надпись Туран V, 4 – надпись Туран VI, 5 – надпись Туран VIII, 6 – схема вероятного нахождения надписи (крест в круге), найденной в 1977 г. на северном склоне горы.

1-5 – по А.В. Адрианову, 1904 г., 6 – по В.Ф. Капелько, 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Чевалков Л.М. (г. Горно-Алтайск) КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ОРУДИЙ С РЕКИ ЯЛОМАН.....	3
Гей И.А. (г. Москва) ОРНАМЕНТЫ НА КЕРАМИКЕ И ОТПЕЧАТКИ КОНЧИКОВ ПАЛЬЦЕВ ДРЕВНИХ ГОНЧАРОВ (историографический очерк).....	7
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск) СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ ПЕТРОГЛИФОВ БИЛУУТ-ТОЛГОЙ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)	20
Едилхан Х. (г. Баян-Улэгей, Монголия) РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДЕШИФРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ.....	25
Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск) МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ УСТЬ-КОКСИНСКОГО РАЙОНА РА (по результатам полевых работ 2002-2004 гг.)	30
Абдулганеев М.Т. (г. Барнаул) ПОСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЕ-2 НА Р.БИЯ.....	42
Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. (г. Барнаул) ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ III В. ДО Н.Э. – I В. Н.Э.....	51
Трифанова С.В. (г. Горно-Алтайск) ИЗУЧЕНИЕ УКРАШЕНИЙ САЯНО-АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ.....	80
Матренин С.С., Шелепова Е.В. (г. Барнаул) МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РИТУАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э. (булан-кобинская культура).....	84
Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. (г. Минусинск, г. Кемерово) ПАМЯТНИКИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КИЗИРО-КАЗЫРСКОГО РАЙОНА.....	90
Кочеев В.А., Кызласов И.Л. (г. Горно-Алтайск, г. Москва) ФИЛОСОФСКИЙ ЛАКОНИЗМ НАСКАЛЬНОЙ НАДПИСИ.....	102
Кызласов И.Л. (г. Москва) РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ.....	106
Серегин Н.Н. (г. Барнаул) МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	115
Рыбаков Н.И. (г. Красноярск) ОКО ЗУРВАНА МАНИ-БУДДЫ по следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887– 89).....	121
Дашковский П.К. (г. Барнаул) ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.....	135
Вдовина Т.А. (г. Горно-Алтайск) МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОСТАТКОВ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	144
Ойношев В.П. (г. Горно-Алтайск) О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ.....	153
Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск) ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ РИТУАЛАХ, ОБРЯДАХ И УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЛТАЙЦЕВ.....	154
Яданова К.В. (г. Горно-Алтайск) О КАМНЕ ПОГОДЫ – <i>ЖАДА ТАШ</i>	168
Мылтыгашева Л.П. (г. Москва) МУЗЕИ САЯНО-АЛТАЯ: НАБЛЮДЕНИЯ 2006 ГОДА.....	174
Садалова Т.М. (г. Горно-Алтайск) ОБЩИЕ ИСТОКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И АЛТАЙЦЕВ.....	189
Суразаков А.С. (г. Горно-Алтайск) О СОДЕРЖАНИИ ФЕНОМЕНА «НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ».....	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	195